

Л.Г. Хрушкова

ХРИСТИАНСКИЕ ПАМЯТНИКИ КРЫМА (СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ)

Исследование христианских памятников Крыма – самая старая область российской византийской археологии, ее начало относится к 20-м годам XIX в. Прежде всего это касается Херсонеса (Херсона). Один из первых исследователей города А.Л. Бертье-Делагард выразился ясно: “Наибольший интерес в Херсонесе представляют именно остатки церквей”¹. Особым вниманием Херсон (Корсунь) пользовался как предполагаемое место крещения Владимира. Во многих странах Средиземноморья христианской археологии пришлось отстаивать самостоятельный дисциплинарный статус в длительном соперничестве со старой, сильной и процветающей дисциплиной – классической археологией; нередко христианские памятники “приносились на алтари олимпийских богов”². Напротив, в Херсонесе большую часть крупных и важных базилик раскопали еще во второй половине XIX в. Правда, этот быстрый успех не радует современных археологов, часто сетующих на несовершенство методики раскопок того времени. В конце XIX – начале XX в. важные исследования были проведены и в другой части Крыма – на Боспоре. Если Херсонес прославлен своими базиликами с их мраморной и мозаичной декорацией, то Пантикапей (Керчь) более известен некрополями и катакомбами с росписями, среди которых есть и христианские.

По разным причинам, среди которых идеологические вряд ли были единственными, долгая и плодотворная история исследования христианских памятников Крыма пока не завершилась созданием синтеза, целостного обобщения. Но сделано уже очень многое. Случайно или нет, в последние годы, после долгого перерыва, появляются важные монографии: А.И. Романчук – о Херсонесе³, А.И. Айбабина – об этнической истории ранневизантийского Крыма, где особенно подробно изучены некрополи⁴, В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного – о распространении христианства в Северном Причерноморье⁵. Серии статей С.А. Беляева, И.А. Завадской и других археологов посвящены отдельным проблемам или памятникам. Крым стал открытым, к изучению раннехристианских церквей Херсонеса обратились зарубежные археологи: А. Бернацки, А. Пильц, Э. Ястжебовска и др.⁶ Ины-

¹ *Бертье-Делагард А.Л.* Древности Южной России. Раскопки Херсонеса // *Материалы по археологии России*. СПб., 1893. № 12. С. 22.

² *Testini P. L.* “archeologia cristiana”, quale disciplina oggi? // *Atti del V Congresso Nazionale di Archeologia cristiana*. Torino-Novara, 22–29 sett. 1979. Roma, 1982. P. 29.

³ *Романчук А.И.* Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.

⁴ *Айбабин А.И.* Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.

⁵ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству. Начальный этап проникновения и утверждения христианства на юге Украины (вторая половина III – первая половина VI в.). Киев, 2000.

⁶ Недавний историографический обзор М. Казанского и В. Супо дает представление об активном изучении эпохи поздней античности и раннего средневековья в Крыму в первой половине 90-х годов XX в.: *Kazanski M., Soupauli V.* Les sites archéologiques de l'époque romaine tardive et du Haut Moyen Age en Crimée (III–VIIe s.): Etat de recherches (1990–1995) // *Colloquia Pontica*. Leiden; Boston; Köln, 2000. 5. Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le Haut Moyen Age. P. 253–294.

ми словами, трудами нескольких поколений исследователей почва для синтеза готова, остается только создать его. Цель моего обзора – дать читателю представление о состоянии изучения археологических свидетельств христианской (и особенно раннехристианской) культуры в Крыму и в Колхиде. Изучение раннехристианских памятников в Восточном Причерноморье⁷ показало значительное сходство ряда проблем в двух понтийских регионах.

ПЕРВЫЙ ОПЫТ ОБОБЩЕНИЯ

Монография В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного посвящена “проникновению и утверждению христианства на юге Украины”. В начале работы авторы дают очерк истории государств Северного Причерноморья в позднеантичный период (третья четверть III – середина VI в.). Таким образом, позднеантичный и раннехристианский периоды отождествляются, что обычно для западноевропейской историографии. Мы помним, как в отечественных работах предшествующей эпохи период IV–VI вв. признавался “раннесредневековым”, поскольку христианская идеология привычно связывалась с эпохой средних веков как надстройка над феодальным базисом; иногда этот термин используется крымскими исследователями и сейчас. Воздержимся от обсуждения вопроса, когда на Востоке кончается античность и начинаются средние века⁸. Далее В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный дают очерк распространения в Крыму культов синкретического характера и представлений “языческого монотеизма”. В центре интереса авторов находятся некрополи, а христианские сооружения только кратко перечислены. По мнению авторов, первые общины в Херсонесе и на Боспоре появляются “не ранее IV в.”, в это время церквей не строят, христиане собираются для богослужений в кладбищенских постройках. Широкая христианизация Херсонеса наступит не ранее VI–VII вв., а Юго-Западной Таврики – только к концу VIII – началу IX в., после создания Готской епархии.

Читая эту книгу, мы замечаем неявный и, возможно, неосознанный дух гиперкритицизма, витающий на многих ее страницах. Это направление умов, во второй половине XIX в. процветавшее в Европе, а затем, в потоке множества других популярных идей, пришедшее в Россию, позже было естественно поддержано идеологией советского периода, когда иные идеологические руководители простодушно смешивали критику источников с критикой религии. В книге В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного общая картина раннего христианства в Крыму получилась обедненной, суженной, краски и нюансы в ней поглощены общим темным колоритом. Всякая неясность, неопределенность источников толкуется в отрицательную сторону. Вот некоторые примеры. “Сообщения о пребывании апостола Андрея... не соответствуют исторической действительности”⁹. Действительно, византийская традиция апостолата Андрея являет-

⁷ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники Восточного Причерноморья. IV–VII вв. М., 2002, историографический обзор на с. 12–33.

⁸ Вот мнение Э. Арвейлер: “Исторические события VII века и конкретно набеги персов и арабов на Востоке и славян на Западе отмечают конец поздней античности и зарождение средневекового и собственно византийского периода”; *Ahrweiler H. Les problèmes de la géographie historique byzantine // The Proceedings of the XIII-th International Congress of Byzantine Studies. Oxford 5–10 sept. 1966. New York; Toronto, 1967. P. 466.* С другой стороны, Ж. Дагрон в одной из своих работ назвал проблему даты конца античности на Востоке “пустой”.

⁹ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 55.

ся поздней¹⁰. В то же время существуют ранние сведения о проповеди ап. Андрея в Скифии, которые попали в труды Арнобия и Тертуллиана¹¹, однако в книге о христианстве в Крыму они не упомянуты. Аналогичным образом полностью отрицается историческая основа “Житий святых епископов Херсонских”¹². Что касается первого Никейского собора, то в некоторых списках епископ боспорский Кадм все-таки представлен, в одном из них – под № 157 как Бадм¹³. Правда, Э. Хонигманн не включил Кадма в свой “первоначальный” список, на который все ссылаются¹⁴, но не забудем, что этот список является не аутентичным документом, а лишь реконструкцией.

Преимущественное обращение авторов к материалам некрополей, боюсь, создает одностороннюю картину. Вот наблюдение о погребальном обряде: вытеснение трупосожжения трупоположением, начиная с середины III в., не обязательно связывать с распространением христианства¹⁵. Это правда – не всякий усопший, похороненный на спине, хотя бы и головой на запад, был христианином. Но также справедливо и обратное: христиане отказались от сожжения усопших в пользу трупоположения, потому что верили в Воскресение во плоти. Или другой пример: авторы подчеркивают, что мотив павлина, клюющего виноград, не обязательно христианский. Действительно, павлин одинаково принадлежит символизму и языческому, и христианскому¹⁶, но именно первые христиане воспроизвели его бесчисленное множество раз, передав искусству средних веков. В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный неоднократно отмечают, что в некрополе Херсонеса нет “ярко выраженных” христианских погребальных комплексов второй половины IV – первой половины V в., да и вообще христианские захоронения “ни спецификой погребального обряда, ни инвентарем” не отличаются от языческих¹⁷. И так было не только в Крыму. Во многих странах с давними традициями христианства – таких, как Северная Африка или Палестина, христианские погребения, в том числе около церквей и в самих церквях, нередко содержат инвентарь. При этом собственно христианские предметы всюду

¹⁰ Последний синтез о традиции ап. Андрея в “циркумпонтийском регионе”: *Виноградов А.Ю.* Апостол Андрей и Черное море: проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 348–368.

¹¹ *Harnack A.* Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten. Bd. I–II Leipzig, 1924 (перепеч.: Leipzig, 1965). S. 539 sq.

¹² *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 90–92. Ср. мнение К. Цукермана, который попытался увидеть в источнике отражение событий не константиновской эпохи, а второй четверти IV в.: *Zuckerman C.* The Early Byzantine Stronghold in Eastern Pontus // ТМ. 1991. 11. Р. 544–552. Русская версия: *Цукерман К.* Епископы и гарнизон Херсона в IV в. // МАИЭТ. 1994. IV. С. 545–561.

¹³ *Honigmann E.* Recherches sur les listes des pères de Nicées et de Constantinople // Byz. 1936. XI. 2. P. 433.

¹⁴ *Honigmann E.* La liste originale des Pères de Nicée // Byz. 1939. XIV. 1. P. 41. *Idem.* The Original Lists of the Members of the Council of Nicaea, the Robber-Synod and the Council of Chalcedon // Byz. (1942–1943). 1944, XVI. 1 P. 23. Читатель заметит, что работы Э. Хонигманна, как и многие другие западноевропейские публикации, в особенности новые, остались недоступны авторам книги: *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 92.

¹⁵ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 52.

¹⁶ *Bisconti F.* Memorie classiche nelle decorazioni pittoriche delle catacombe romane. Continuità grafica e variazioni semantiche // *Historiam Pictura Refert. Miscellanea del Prof. Alejandro Recio Vaganzones.* Citta del Vaticano, 1994. P. 36–38.

¹⁷ *Зубарь В.М., Хворостяный А.И.* От язычества к христианству... С. 56. Ср. мнение А.И. Айбабина, который среди ранних свидетельств присутствия христиан в Херсонесе называет вещи конца III – первой половины IV в. – стеклянный сосуд в форме рыбы и светильник с изображением двух рыб: *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 52.

единичны, естественно, было бы опрометчиво их ничтожное количество отождествлять с числом похороненных христиан. Таким образом, одни некрополи вряд ли могут служить полным и доказательным источником по вопросу христианизации населения, быть то в Крыму или в других краях.

Приведу несколько примеров из соседнего региона – Восточного Причерноморья. Раскопки 300 могил позднеримского некрополя Питиуса (Пицунда) дали лишь столбик с вложенным в него вотивным крестом (причем во вторичном использовании и вряд ли ранее V в.), да еще один скромный нательный крестик. Между тем поблизости открыты остатки кафедрала, в котором служил епископ Стратофил, подписавший все документы первого Никейского собора. Другой пример. В нескольких сотнях погребений в могильниках Цебельды, верхняя дата которых доходит до VI в., а по другой версии – даже до VII в., едва наберется до пяти явно христианских находок. Но рядом находится церковь первой половины VI в., и в ее баптистерии определенно окрестилась какая-то часть людей, похороненных поблизости. Еще один факт. В Гиеносе (близ совр. Очамчыры) было найдено богатое женское захоронение с золотыми вещами: ажурные серьги, кольца и несколько десятков бляшек, украшавших златотканый погребальный покров. Покойница, любившая роскошь, была похоронена в церкви начала VI в., в особом помещении, и ее гробница была почитаема¹⁸.

Во всех этих и множестве подобных случаях речь идет не только о консерватизме погребального обряда, но в более общем смысле – о новой, христианской, антропологии, о новых представлениях о смерти. Можно было бы сказать, что человек раннехристианской эпохи в могиле выглядит “менее христианином”, нежели при жизни. И это понятно: христианские понятия о смерти и бессмертии существуют в мире идей и представлений, а не в телесных и материальных объектах, с которыми имеет дело археолог. Если в языческом контексте могильный инвентарь является полноценным, а нередко и главным источником для изучения верований населения и его этнического состава, с христианами дело обстоит иначе. Они не различали “ни эллина, ни иудея”, они не изобрели ни нового обряда захоронения, ни новых типов могильных конструкций, не было у них и предубеждения относительно языческих саркофагов. Вспомним хотя бы знаменитый порфиновый саркофаг с великолепными батальными сценами (сейчас в Музеях Ватикана) – в нем была похоронена св. Елена. Изменения в обряде происходили медленно, и как раз такие, которые мало что дают археологам. Инвентарь могил становится бедным, с медленной тенденцией исчезнуть (хотя не везде); уменьшается число эпитафий, в них часто отсутствуют даты жизни и смерти, иногда даже имя. Вообще сознание первых христиан, жизнь души, личное благочестие – все это трудные вопросы для археологии. Приведу замечание П.-А. Феврье, знатока раннехристианского обряда захоронения: “Я не рискую объяснить этот переход к молчанию и анонимности могилы”¹⁹. Таким образом, позднеантичные некрополи Крыма или областей – источник особенный, требующий большой осторожности, тем более, когда хотят подсчитать количество христиан.

¹⁸ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 111–113 (Питиус), 327–330 (Цебельда), 280–281 (Гиенос).

¹⁹ Février P.-A. Une approche de la conversion des élites au IVe siècle: le décor et la mort // La Méditerranée de Paul-Albert Février. Vol. I. Rome-Aix-en-Provence, 1996 (Collection de l'École Française de Rome. 225). P. 233 (перепеч. в: *Miscellanea ecclesiasticae*, VI. Congrès de Varsovie, 1978. Bruxelles, 1983. P. 22–46).

Заключение книги В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного соответствует ее общему духу: в Херсонесе конца IV – начала V в. можно “все же говорить о наличии в городе христианской общины... Но в количественном отношении она была небольшой и еще не до конца организационно оформившейся”²⁰. Здесь читатель может спросить: до какого “конца”? О наличии христиан в Херсонесе в константиновскую эпоху пишут и сами авторы²¹. Но если в городе была хотя бы горстка христиан, они уже составляли общину, “организацию”, тем более, если о речь идет об эпохе после Миланского эдикта. К последней четверти IV в., когда общину херсонеситов возглавлял епископ²², можно ли сомневаться в существовании “оформленной” организации? По мнению В.М. Зубаря и А.И. Хворостяного, на Боспоре “правлящая верхушка” приняла христианство во второй половине VI в., а масса населения оставалась языческой²³. Но именно на Боспоре археологи чаще находят христианские предметы, которые датируют III и даже II в.²⁴ Конечно, в Крыму, как и повсюду в империи, в константиновскую эпоху христиане составляли незначительный процент населения.

Среди христианских склепов с росписями из херсонесского некрополя, общее число которых сейчас достигает десяти, интересны два новых склепа, открытые в 1998–1999 гг. совместной украинско-австрийской экспедицией²⁵. Это дало авторам повод обратиться к проблеме росписи крымских каткомб и напомнить нам о блестящей, но несколько забытой книге М.И. Ростовцева. Он датировал росписи с христианскими мотивами второй половиной IV – началом V в.²⁶ В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный предлагают новую, более позднюю, дату некоторых склепов. Они исходят из убеждения, что на Востоке изображения человеческих фигур появляются не ранее VI в., поэтому ранняя группа росписей, которая содержит только символические мотивы, была создана не ранее второй половины или конца V–VI в., а живопись, где встречаются антропоморф-

²⁰ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 92.

²¹ Ibid. С. 95. Примеч. 22. С. 136.

²² Об участии епископа Херсонеса Эферия в Константинопольском соборе 381 г.: *Honigmann E. Recherches...* P. 446. № 143. В публикации В. Руджери нового сирийского списка находим почти те же сведения: *Ruggieri V. The IV Century Greek Episcopal Lists in the Mardin Syriac. 7 (olim Mardin Orth. 309/9)* // ОСП. 1993. 59. II. P. 350. № 140. В крымской археологии, кажется, существует тенденция отождествлять разные уровни церковной организации: наличие общины и существование епархии во главе с епископом: *Айбабин А.И. Этническая история...* С. 225.

²³ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 121.

²⁴ Ряд мелких находок из погребений на территории Боспора, начиная с III в., приводит П.Д. Диатроптов: *Diatroptov P.D. The Spread of Christianity in the Bosphorus in the 3rd–6th Centuries* // *Ancient Civilisations from Scythia to Siberia*. 5.3. Leiden; Boston; Köln, 1999. P. 215–244. О предметах с изображением креста и рыб, происходящих из погребений III и даже II в. см.: *Юрочкин В.Ю. Древнейшие изображения Креста Господня* // *Православные древности Таврики. Сборник материалов по церковной археологии* / Ред.-сост. В.Ю. Юрочкин. Киев, 2002. С. 24–25. Редкое граффито с изображением креста из цистерны на горе Митридат в Пантикапее по археологическим данным датировано временем не позднее II в.: *Толстиков В.П., Журавлев В.Д. О древнейшем изображении символа христианства на Боспоре* // *Православные древности Таврики...* С. 51–55. Новые исследования некрополя Боспора позволяют предполагать распространение здесь христианства с середины II в. Открыт новый склеп (№ 16) с изображением шести крестов, вероятно, V в.: *Мыц В.Л., Лысенко А.В., Юрочкин В.Ю. Некрополь Пантикапее-Боспора: проблемы и перспективы исследования* // *Боспорский феномен: Колонизация региона. Формирование полисов. Образование государства. Материалы международной конференции. Ч. 1. СПб., 2001. С. 174–180.*

²⁵ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 58–89.

²⁶ Ростовцев М.И. Античная декоративная живопись на юге России. Пг., 1914.

ные и сюжетные изображения, – более поздняя, даже “не ранее VII в.”. В эту вторую группу включен и известный склеп с изображением людей и города²⁷.

Эта классификация (трудно принять) плохо согласуется с реальными фактами. Достаточно упомянуть знаменитые росписи христианского дома в Дуре-Европос со сценами на библейские и евангельские сюжеты, созданные не позже середины III в.; того же времени и ансамбль сюжетных росписей синагоги, там же²⁸. Для подтверждения поздней даты склепа на участке Тура В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный приводят даже изображения города в мозаике мечети в Дамаске 705–707 гг. Но изображения городов часты в настенных и напольных мозаиках церквей V–VI вв., от Иордании до Рима²⁹. В целом росписи херсонесских склепов хорошо вписываются в контекст позднеримской погребальной живописи, достаточно единообразной на обширных пространствах Востока и Запада. Ю. Валева составила сводку погребальных росписей, которые содержат мотив хризмы и креста. Это список включает свыше 80 памятников, большинство которых относится к IV или IV–V вв. Среди них немало и антропоморфных изображений: ангелы и архангелы, апостолы, оранты, Добрый пастырь, ветхозаветные (чаще) и новозаветные сцены. Это стандартный раннехристианский репертуар, близкий к живописи римских катакомб. В частности, диагонально расположенные гирлянды на потолке крымских склепов имитируют прием маскировать этим мотивом нервюры крестовых сводов, что часто можно видеть в римских катакомбах. Подобный пример есть и на Востоке – роспись ипогея IV в. в Анкаре, где присутствуют мотивы креста, птиц, деревьев³⁰.

Один из вновь открытых склепов (№ 2), в некрополе у Карантинной бухты, украшен изображениями чаши, павлина, птицы, гирлянд и цветов. Здесь же – “загадочный предмет, по своим очертаниям напоминающий опрокинутую цилиндрическую вазу с большим букетом роз (?)”³¹. Эта лежащая стеклянная ваза, наполненная плодами, – мотив скорби, обычный в кладбищенском искусстве римского языческого мира. Он не характерен для первых христиан, в искусстве которых нет скорби, оно выражает идеи триумфа, победы над смертью. Манера изображать предметы, хорошо видимые через прозрачное стекло, – типичный прием античного иллюзионизма. Скорее всего, роспись этого склепа не позже IV в. Таким образом, ни один из склепов Херсонеса не содержит ясных

²⁷ Анализ живописи этого склепа В.М. Зубарь посвятил особой статье, где стремится обобщать датировку VII–VIII вв., “периодом становления собственно византийской христианской живописи”: Зубарь В.М. К интерпретации одного из сюжетов росписи склепа 1912 г. из Херсонеса // Херсонесский сборник. Вып. X. Севастополь, 1999. С. 298–302.

²⁸ Основные публикации: Kraeling C.H. The Synagogue: the Excavations at Dura Europos. Final Report VIII, I. New Haven, 1956; *Idem*. The Christian Building. The Excavation at Dura Europos. Final Report VIII, II. New Haven, 1967. Чтобы не останавливаться на проблеме Востока и Запада, о которой несколько раз упоминает В.М. Зубарь, ограничусь ссылкой на работу У. Шуберт, которая провела ряд аналогий между росписями синагоги Дуре-Европос и фресками римской катакомбы середины или второй половины IV в. под Виа Латина: Schubert U. Spätantikes Judentum und frühchristliche Kunst. Wien, 1974 (Studia Judaica Austriaca, II).

²⁹ Обширную библиографию об архитектурных мотивах в раннехристианском искусстве см.: Duval N. Le rappresentazioni architettoniche // Piccirillo M., Alliata E. Umm al-Rasas Mayfa'ah. I. Gli scavi del complesso di Santo Stefano. Jerusalem, 1994 (Studium Biblicum Franciscanum. Collectio Maior, 28). P. 165–207.

³⁰ Valeva J. Les tombeaux ornés de croix et chrismes peints // Acta XIII CIAC. Città del Vaticano-Split. 1998 (Studi di Antichità cristiana LIV. Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku, supl. vol. 87–89). III. P. 761–786.

³¹ Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству... С. 150.

признаков VI–VII вв.³² Датировки М.И. Ростовцева подтверждаются всем опытом изучения позднеантичной живописи, включая и работы самого исследователя, опубликованные много лет спустя после его крымских штудий³³.

Та история раннего христианства в Крыму, которую представили В.М. Зубарь и А.И. Хворостяный, выглядит более “поздней” и более бедной, чем ее можно реконструировать на основании известных источников. И все-таки, эта книга – храбрая и удавшаяся попытка обобщить большой и разнородный материал.

ДВА СПИСКА ЦЕРКВЕЙ ХЕРСОНЕСА

Самые надежные свидетельства о распространении христианства – это церковные сооружения. Корпус христианских церквей Крыма значителен, и главная роль принадлежит Херсонесу. Большое количество собранных сведений – это, можно сказать, насыщенный раствор, который должен превратиться в зримые кристаллы. И они уже появляются. Почти одновременно в разных концах Европы – в Екатеринбурге и в Париже, – увидели свет два Списка церквей Херсонеса, которые опубликовали А.И. Романчук и Э. Ястжебовска³⁴.

Список храмов помещен в качестве приложения к монографии А.И. Романчук³⁵, вместе с тем он является важной частью книги, удачно дополняя очерк “Культовые сооружения Херсона”. Список содержит краткое описание церквей, их местоположение, историю изучения, размеры и библиографию. Все памятники подразделены на две категории: базилики и часовни (небольшие однонефные постройки, с погребениями или без них). В группу базилик включены также крестообразные и крестово-купольные сооружения³⁶. Особая ценность этой сводки – ее полнота, в ней приведены не только раннехристианские церкви, но также средневековые церкви и часовни. Не будем задавать вопрос педанта – по каким признакам автор отличает церковь от часовни? Если по размерам – то какие существуют “нормативы”? А если по литургическим функциям – то разве они всегда известны?

Важная черта публикаций А.И. Романчук – особое внимание к длительной исторической жизни церковных зданий, их перестройкам, ко времени прекращения их функционирования. (Чаще исследователи поглощены задачей определить

³² Новые исследования склепов Пантикапея уже приносят новые сведения и уточнения, но данных о их более позднем происхождении пока нет: *Зинько Е.А.* Веспорские склепы на северном склоне горы Митридат // МАИЭТ. 2000. VII. С. 69–76; *Он же.* Проблемы исследования позднеантичных расписных склепов // МАИЭТ. 2001. VIII. С. 67–73. О неубедительности поздних дат склепов Херсонеса см. также: *Диатроптов П.Д.* Еще раз к вопросу о датировке росписей херсонесских христианских склепов // Церковная археология Южной Руси. Сборник материалов международной конференции “Церковная археология: проблемы, поиски, открытия” (Севастополь, 2001). Симферополь, 2002. С. 34–37.

³³ *Rostovzeff M.* *Dura Europos and Its Art.* Oxford, 1938.

³⁴ *Jastrzebowska E.* Chersonèse dans l’Antiquité tardive: état de recherches et bibliographie // *AntTard.* 2001. 9. P. 399–418.

³⁵ *Романчук А.И.* Очерки истории... С. 222–243.

³⁶ В типологическом смысле крестово-купольные сооружения не являются базиликами. С другой стороны, существует традиция понятием “базилика” обозначать вообще раннехристианское церковное здание, как это сделал Р. Краутхаймер: *Krautheimer R.* *Corpus basilicarum christianarum Romae. IV–IX sec.* T. 1–5. Città del Vaticano, 1933–1980 (*Monumenta di Anticnità Cristiana*, 2).

дату сооружения.) Эта особенность метода дает возможность представить общую стратиграфическую картину города на разных этапах его существования; она позволяет увидеть памятники в контексте городской застройки, его роль в своем квартале (приходе), особенности локальной топографии и ее развития. Таким образом, общая картина культового строительства в городе значительно обогащается. В некоторых случаях А.И. Романчук дает краткие комментарии по поводу датировок. Например, “базилика на холме” (№ 14), судя по обнаруженной раскопками керамике, была построена не ранее середины VI в., а не в IV в., как считал С.А. Беляев. Для некоторых церквей даты не обозначены, в этом пункте исследователь проявляет большую осторожность: “До детального повторного изучения всех культовых построек вопросы датировки сохранят свой дискуссионный характер. Темпы же археологических исследований в наши дни, в отличие от раскопок XIX в., значительно медленнее, поэтому вряд ли в ближайшее время станет возможным комплексное изучение всех сохранившихся руин храмов”³⁷. Легко предсказать, что и после будущих раскопок дискуссии не прекратятся.

Статья Э. Ястжебовской носит название “Позднеантичный Херсонес: состояние исследований и библиография”. Здесь стоит немного сказать о терминах. Привычного понятия “раннехристианский” в заглавии нет – статья опубликована в журнале “Поздняя античность”, редактор которого Н. Дюваль известен своей идеей заменить термин XIX в. “христианская археология” понятием “поздняя античность”, поскольку этот раздел археологии изучает не только церковные здания, но эпоху в целом³⁸. Списку церквей Э. Ястжебовская предпосылает краткую, но ясную и достаточно полную историю их изучения, далее следует характеристика библиографии сначала по проблемам, а затем по каждому памятнику, с необходимым комментарием. Список включает девять базилик, “подземную меморию” (пещерный храм) в центре города и четыре сооружения с центральным планом (тетраконых и три крестовидных церкви). Отдельно представлены некрополи, архитектурные детали из мрамора и мозаики. Документация содержит планы церквей, рисунки некоторых капителей и другие материалы, главным образом по старым работам Д.В. Айналова и А.Л. Бертье-Делагарда. Предмет интереса Ястжебовской – только раннехристианские сооружения. Это отражает приоритетный интерес западного читателя к позднеантичному (раннехристианскому) периоду. Э. Ястжебовская опубликовала также интересное сравнение топографии Херсонеса и Эфеса³⁹, об этом я скажу ниже.

Пожалуй к этим двум спискам можно присоединить также статью А. Пюльца⁴⁰, который в составе украинско-австрийской экспедиции принимал участие в раскопках базилики Крузе. В этой работе автор не только перечисляет памятники, но дает их описания, сопровождая многими интересными ремарками, с полной и корректной библиографией. Не стремясь детально обсуждать дискуссионные вопросы хронологии, венский археолог тем не менее в каждом случае ясно высказывается о датах памятников. Его интерес тоже сосредоточен только на раннехристианском Херсонесе, средневековые церкви в его обзор не входят. Отличительная черта этой неторопливо обстоятельной работы – особое внимание к мраморному декору и литургическим устройствам, т.е. к вопросам, которые до сих пор мало освещались в публикациях на русском языке.

³⁷ Романчук А.И. Очерки истории... С. 66. Примеч. 27.

³⁸ См. об этом: Хрушкова Л.Г. Раннехристианская и византийская археология: книги последних лет // ВВ. 2002. Т. 61 (86). С. 232–233.

³⁹ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos in Spätantike und frühbyzantinischer Zeit: Eine vergleichende topographische Studie // RAC. 1999. LXXV. S. 475–520.

⁴⁰ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen des Taurischen Chersonesos/Krim // MICH. 1998. 4. S. 45–78.

О КРИТЕРИЯХ ДАТИРОВКИ ЦЕРКВЕЙ

Хронология церквей – предмет неутраченных дискуссий. Большинство современных авторов считает, что активное строительство церквей в Херсонесе начинается в юстиниановскую эпоху, если не еще позже, к концу VI – началу VII в. Но что же было раньше? После Миланского эдикта христианские общины Херсонеса и Боспора должны были иметь церкви, хотя бы скромных размеров, уже не говоря о кафедрах, когда появились епископы, в том же IV в. По-видимому, самые ранние постройки Херсонеса или не открыты (город раскопан примерно на 40%), или не опознаны среди уже известных памятников. В этом отношении Херсонес – обычный, средний город. Постройки константиновской эпохи всюду определяются с большим трудом, от них мало что сохранилось. Нередко они возводились наспех, к тому же преобладающий тогда тип стропильной базилики с легко горящими деревянными перекрытиями и тонкими стенами сам по себе не долговечен. Многие, даже крупные и хорошо известные по источникам сооружения археологически остаются не выявленными – в Константинополе, например. Культовые здания “первого поколения”, часто скромных размеров, изменялись до полной неузнаваемости последующей строительной деятельностью. Всеобщим был обычай чтить древние постройки, возобновлять их, включать их в состав церквей “второго поколения”. Идентифицировать древние строительные остатки в составе дошедших до нас сооружений – трудная задача для археологов. Доследование памятников и тщательные обмеры могли бы дать новые сведения.

Проблема хронологии церквей Херсонеса отличается одной чертой: разные группы признаков плохо согласуются между собой. Историк раннехристианской архитектуры склонен видеть здесь памятники V–VI вв., археологи же говорят о датирующих материалах конца VI, VII, а то и X–XI вв. И хотя уже собран целый арсенал средств для датировки культовых зданий Херсонеса, цель ускользает, не дается. А.Л. Якобсон рассматривал церкви Крыма прежде всего как произведения архитектуры, стремясь установить их хронологическую последовательность на основе существующих представлений об эволюции позднеантичной и ранне-средневековой архитектуры. Он датировал основную группу церквей Херсонеса V – началом VII в.⁴¹ Проблема заключается в том, что сама эволюция архитектуры в эпоху “между Константином и Юстинианом” не была быстрой, поэтому и представления о ней достаточно общи. Пластический декор, который часто служит точным, а иногда и единственным хронологическим указателем, в Крыму почти всегда лишен своего первоначального архитектурного контекста.

Археологи стремятся к хронологии более точной, они убеждены в решающей роли археологических материалов, мало внимания обращая на само церковное здание, его архитектуру, его назначение. На следующем этапе, “после Якобсона”, археологический подход возобладал. В этом отношении характерны очень полезные работы И.А. Завадской, которая пересмотрела известные ранее археологические данные⁴², считая, что “абсолютную хронологию возве-

⁴¹ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. М., 1959 (МИА. 63). С. 152–197; Он же. Закономерности и этапы развития архитектуры средневекового Херсонеса // ВВ. 1988. Т. 49. С. 162–172; Jakobson A. Krim // RBK. 1995. V. S. 375–439.

⁴² Завадская И.А. Проблемы стратиграфии и хронологии архитектурного комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // МАИЭТ. 1996. V. С. 94–105; Она же. Некоторые проблемы датировки комплекса Уваровской базилики Херсонеса // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 1. Симферополь, 1997. С. 304–311; Она же. Раннесредневековые храмы западной части Херсонеса // МАИЭТ. 1998. VI. С. 332–343; Она же. К дискуссии о

дения церковных сооружений Херсонеса при полном отсутствии письменных свидетельств можно установить лишь по массовым археологическим материалам, в частности керамическим и нумизматическим находкам⁴³. Хотя доступные материалы собраны тщательно, при этом удалось уточнить некоторые даты, вряд ли хронологию данных памятников можно считать установленной.

В некоторых случаях внимательное рассмотрение уже известных археологических находок действительно позволяет уточнить дату. Небольшой тетраконх в западной части Херсонеса был датирован VII в. (В.А. Кутайсов). Такая поздняя дата казалось мало согласованной с типом и функцией этого типичного коммеморативного сооружения. А. Грабар называл такие сооружения теофаническими мартириями – они строились для почитания не мощей, а памятных событий, связанных с божественным вмешательством; в данном случае речь идет о чуде епископа Капитона. На основе нового анализа археологических материалов В.Ю. Юрочкин и А.В. Джанов датировали эту церковь второй половиной V – первой половиной VI в.⁴⁴ Возможно, она была построена в V в. и принадлежала к группе древних культовых построек города, посвященных местным святым.

“Базилика Крузе” (№ 7) тоже была связана с мемориальным культом. Повторные раскопки, начатые в 1997 г. совместной украинско-австрийской экспедицией, могли бы прояснить вопрос о ее функциях и роли в религиозной жизни города. Получены новые материалы, в том числе антропологические, что важно для этого города с его сложным составом населения, однако работы не были завершены⁴⁵.

Особая группа церквей – скальные, “пещерные”, с их специфическими трудностями изучения, в том числе и определения времени возникновения и функционирования. Последнее время, кажется, утвердилась точка зрения Ю.М. Могаричева, который датирует все пещерные церкви не ранее X в., в том числе и подземный храм на главной улице Херсонеса⁴⁶. Возможно, детальное рассмотрение археологических материалов позволит некоторые церкви отнести к VII–VIII вв., в частности Качи Кальен⁴⁷.

Вообще стратиграфический метод, как и всякий другой, имеет свои ограничения и затруднения. Все, кому приходилось раскапывать архитектурные памятники, которые на протяжении столетий перестраивались не раз, знает, что четкая стратиграфия бывает редко. Во время любых строительных работ неизбежны многократные перемещения грунта – все эти нивелировки, засыпи, подсыпки, так же, как и ремонты бетонных полов. Как раз во время ремонта поздняя монета легко может попасть под разрушенную древнюю вымостку, кото-

религиозной принадлежности раннего храма комплекса “Базилика 1935 г.” в Херсонесе // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму. Сб. научных трудов по материалам конференции (Симферополь, 4–5 окт. 1999 г.). Симферополь, 1999. С. 52–60.

⁴³ *Завадская И.А.* Хронология памятников раннесредневековой христианской архитектуры Херсонеса (по археологическим данным) // МАИЭТ. 2000. VII. С. 77–90; Некоторые неточности трактовки А.И. Завадской истории церквей западного района Херсонеса отметила А.И. Романчук (Очерки истории... С. 63. Примеч. 15).

⁴⁴ *Юрочкин В.Ю., Джанов А.В.* Церковная история Херсонеса V в. // Церковная археология Южной Руси... С. 49–68.

⁴⁵ *Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen... S. 69–70.

⁴⁶ *Могаричев М.Ю.* Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

⁴⁷ *Шевченко Ю.Ю.* Пещерные христианские комплексы Крыма: время возникновения по погребальному инвентарю // Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб., 2002. С. 325–333.

рую перекрывают новой бетонной стяжкой. Как бы ни был внимателен археолог, всегда ли он может ясно дифференцировать все манипуляции древних строителей с нашими “культурными слоями”? Еще один вопрос: датируют ли наши находки весь большой и сложный комплекс или они говорят о действиях древних строителей только на том участке, где были обнаружены датирующие материалы. Кроме того, длительное бытование монет, иногда свыше 300 лет⁴⁸, ставит под сомнение решающее значение нумизматических находок, которые часто выглядят такими надежными. Поэтому одни археологические находки, взятые изолированно от анализа самого памятника архитектуры, не обязательно дадут убедительный ответ.

Характерный пример – базилика Мангупа, которую Н.И. Бармина тщательно исследовала не один десяток лет. Археологические материалы датировали весь комплекс, в том числе и крещальню, временем не ранее VIII в.⁴⁹ Однако эта дата оставляла сомнения, поскольку она не совсем согласовалась с другими данными: исторической обстановкой, особенностями архитектуры, эпиграфическими свидетельствами⁵⁰. Недавно, при исследовании базилики, Н.И. Бармина обнаружила остатки однонефной церкви рубежа V–VI вв., которая позже вошла в состав большой базилики. Эта ранняя церковь и крещальня составляли единый комплекс⁵¹. Таким образом, все ранее добытые археологические материалы остались прежними, а выводы существенно изменились. Разные строительные периоды выявлены и у базилики конца VI – начала VII в. в Партенитах, которая ко второй половине VIII в. была перестроена в трехапсидную⁵².

Иногда повторные раскопки приносят новые интересные данные, но не приводят к бесспорным выводам. Исследование херсонесской “базилики 1935 г.”, проведенное М.И. Золотаревым и Д.Ю. Коробковым совместно с американскими археологами, по-новому обрисовало строительную историю сложного комплекса. Выяснилось, что синагога в конце IV в. была превращена в церковь, эта последняя была реконструирована, в результате чего и появилась “базилика 1935 г.”. Полученные материалы по-новому раскрывают проблему

⁴⁸ См. новые материалы: *Фролова Н.А., Куликов А.В., Смекалова Т.Н.* Клад боспорских медных монет (I – середина IV в. н.э.), найденный в Керчи в 1995 // ВДИ. 2001. № 3. С. 59–85.

⁴⁹ *Бармина Н.И.* Базилика Мангупа в свете некоторых проблем средневековья в Крыму // АДСВ. 1995. 27. Византия и средневековый Крым. С. 77–85. А.И. Айбабин принимает точку зрения М.А. Тихановой и А.Л. Якобсона о строительстве базилики в VI в.; по его мнению, крещальня относится к XI в., на основании надписи на обломках фриза, найденных на полу: *Айбабин А.И.* Этническая история... С. 123–124.

⁵⁰ Мангупская крепость начал возводиться в середине VI в.: *Герцен А.Г.* Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. 1990. I. С. 137. Ее значение подтверждается недавними находками ранних (первой половины VII в.) печатей: *Герцен А.Г., Алексеенко Н.А.* Византийские моливдовулы из раскопок Мангуп-Кале // АДСВ. 2002. 33. С. 59–65. Новые данные о надписи юстиниановской эпохи, найденной во вторичном использовании в большой базилике: *Виноградов А.Ю.* К датировке надписи Юстиниана с Мангупа // ANAXAPΣIE. Памяти Юрия Германовича Виноградова. Севастополь, 2001. С. 70–71.

⁵¹ *Бармина Н.И.* Контуры перемен: Мангупский памятник в контексте истории крымского средневековья // АДСВ. 2002. 33. С. 21–28; *Она же.* Население средневекового Мангупа: штрихи к портрету // Историческая роль Константинополя. Тезисы докладов XVI Всероссийской научной сессии (в память о 550-летию падения византийской столицы). Москва, 29–10 мая 2003 г. М., 2003. С. 8–12.

⁵² *Завадская И.А.* К вопросу о раннем периоде Партенитской базилики // Культурные памятники в мировой культуре. V Международная Крымская конференция по религиоведению. Тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2003. С. 19–20.

соотношения археологического факта и письменного источника⁵³. Интерпретация новых данных вызвала дискуссию⁵⁴.

Базилика Эски-Кермена – еще один трудный для датировки памятник. Ранняя дата (IV–VI вв.), в свое время предложенная Ф.И. Шмитом, кажется более убедительной. Е.А. Паршина открыла средневековые захоронения у стен базилики и в нартексе, однако они не датируют время возведения церкви. На основании некоторых архитектурных сопоставлений базилику датировали временем “не ранее VIII в.”⁵⁵; в новой версии той же работы Е.А. Паршиной и Ю.Г. Лосицкого названа иная дата, на основании тех же данных: “не ранее VII и не позднее VIII в.”⁵⁶ На примере Эски-Кермена видна хрупкость метода архитектурных аналогий, в особенности если для сравнения избирается лишь один какой-нибудь признак. Исследователи этой базилики выбрали наличие трех апсид и привели восемь церквей X–XI и XIII–XIX вв.⁵⁷ Все эти церкви – купольные, а не базилики. Что дает это сопоставление для уточнения даты Эски-Кермена? К X в., когда в византийском мире крестово-купольный тип церковного здания стал господствующим, столь же обычным стал и трехапсидный алтарь, наиболее удобный для литургии с “Двумя Входами”. Поэтому средневековых купольных церквей с тремя апсидами можно привести множество, но они ничего не скажут о дате Эски-Керменской базилики.

Важно и то, что при наличии трех апсид у купольных церквей существенно иное устройство алтарной части – с протесисом и диакоником, чего нет в Эски-Кермене. Если же искать аналогии в пределах архитектурного типа базилики, круг сузится: трехапсидные базилики единичны в V в., их немного в VI–VII в., но становится больше в последующие эпохи – там, где базилики еще продолжали строить (Балканы, Причерноморье, Кавказ). Но если указать аналогии точ-

⁵³ Оверман Э., Макленнан Р., Золотарев М.И. К изучению иудейских древностей Херсонеса // Археология. 1997. № 1. С. 57–63; Коробков Д.Ю. Об особенностях планировки здания позднеантичной синагоги в Херсонесе // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе. Сб. научных трудов по материалам III Крымской международной конференции (Севастополь, 21–24 мая 2001). Севастополь, 2001. С. 25–31; Он же. От язычества к христианству, от синагоги – к церкви? // Херсонес Таврический. У истоков мировых религий. Материалы научной конференции посвященной 2000-летию юбилею христианства (29–31 июля 2000 г.). Симферополь, 2001. С. 72–75; Золотарев М.И. О епископе Капитоне и крещении жителей Херсонеса в IV в. по Р.Х. // Православные древности Таврики... С. 68–73; Edwards D.R. Jews and Christians at Ancient Chersonesus: The Transformation of Jewish Public Space // Херсонесский сборник. X. Севастополь, 1999. P. 162–165.

⁵⁴ Завадская И.А. Проблемы стратиграфии... 1996. С. 94–105. Она же. К дискуссии о религиозной принадлежности раннего храма комплекса “Базилика 1935 года” в Херсонесе // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму... С. 52–60. К этой дискуссии можно добавить ремарку о форме апсиды: случай, когда полигональная апсида сменяется полудиркулярной, как в комплексе “базилика 1935 г.” – исключительный. Обычно бывало наоборот: полудиркулярная апсида – старая античная форма – в христианском строительстве некоторых регионов сменялась полигональной. Считается, что граненая апсида не известна ранее V в.: Delvoye Ch. L’art paléochrétien de Chypre // XVe Congrès International d’études byzantines. Rapports et co-rapports. V. Chypre dans le monde byzantin. Athènes, 1976. P. 14.

⁵⁵ Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 36–59.

⁵⁶ Лосицкий Ю.Г., Паршина Е.А. Эски-Керменская базилика // Православные древности Таврики... С. 99–113.

⁵⁷ В их число попала и Драндская купольная церковь в Абхазии, которая разными исследователями датируется в рамках VI–VIII вв., но не X в.

ные, т.е. базилики трехапсидные и со стропильным перекрытием, какой была Эски-Керменская, мы увидим, что их единицы. Эта редкая переходная форма соединяет черты разных эпох: старый, идущий из античности, тип легкого деревянного перекрытия еще применялся, а новая, трехапсидная, форма алтаря только появилась и не успела распространиться. Краткий исторический момент, когда названные черты сосуществовали, приходится на VI в. Единственный образец второй половины V в. – это Калат-Семан в Сирии (восточная ветвь этого крестовидного комплекса). Территориально ближайший пример стропильной трехапсидной базилики – Цандрипшская церковь в Абхазии, которая хорошо датируется юстиниановской эпохой⁵⁸. Возможно, к тому же времени относится и Эски-Кермен.

Еще одна деталь: у Эски-Керменской базилики грани апсид обработаны пилястрами. И эта черта, взятая сама по себе, ничего не говорит о дате. Е.А. Паршина приводит две балканские церкви XI в. с похожей апсидой; действительно, их немало было в средневизантийское время. Но можно вспомнить ранневизантийские церкви Каппадокии, с подобной апсидой⁵⁹, и совсем близко – Св. Софию Константинопольскую, где пилястры на гранях апсиды имеют более сложный профиль. На мой взгляд, метод аналогий может быть полезным для датировки в том случае, когда сравниваются признаки не изолированные, единичные, а совокупность хотя бы двух (или более) характеристик, по возможности, в пределах одной типологической и хронологической группы.

С.А. Беляев стремится датировать памятники с помощью реконструкции событий религиозной жизни раннехристианского Херсонеса, используя данные письменных источников, в особенности “Жития святых епископов Херсонских”. Он отнес к IV в. “базилику на холме”, пещерный храм, Уваровскую базилику⁶⁰. Обосновать археологически эти ранние даты пока не удастся; кроме того, не все согласны с манерой буквального прочтения агиографических источников.

Особо стоит сказать об Уваровской базилике. С одной стороны, ее план полностью соответствует типу “эллинистической” базилики V в., что отметил еще А.Л. Якобсон⁶¹. С другой же стороны, К.К. Косцюшко-Валюжинич обнаружил в колодце под стеной нартекса монету Маврикия (582–602)⁶², которую большинство исследователей признают основанием для датировки всего комплекса концом VI – началом VII в. Выходом из этой коллизии может быть допущение разных строительных периодов. Давнее мнение А.Л. Якобсона о воз-

⁵⁸ Подробней о трехапсидных базиликах: *Хрушкова Л.Г.* Цандрипш. Материалы по раннехристианскому строительству в Абхазии. Сухуми, 1985. С. 16–28. *Она же.* Раннехристианские памятники... С. 147–151, 400–404.

⁵⁹ *Restle M.* Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Bd. 2. Wien, 1979. Pl. 48, 49.

⁶⁰ *Беляев С.А.* вновь найденная ранневизантийская мозаика из Херсонеса // ВВ. 1979. Т. 40. С. 114–125; *Он же.* “Базилика на холме” в Херсонесе и “церковь на горе” в Корсуни, построена князем Владимиром // Византинорусика 1994, 1. С. 7–40; *Он же.* Пещерный храм на главной улице Херсонеса (опыт интерпретации и реконструкции) // Византия и Русь. М., 1989. С. 26–55; *Он же.* Христианская топография Херсонеса. Постановка вопроса, история изучения и современное положение // Церковные древности. Сборник докладов секции. VII Международные Рождественские образовательные чтения (28–29 янв. 1999 г.). М., 1999. С. 3–49; *Он же.* О храме апостола Петра в Херсонесе // Рождественские образовательные чтения. Церковные древности. Сборник докладов конференции (27 января 2000 г.). М., 2001. С. 5–28; Ранние даты оспариваются другими археологами. См., например, о пещерном храме: *Могаричев М.Ю.* Пещерные церкви Таврики. С. 95–96.

⁶¹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековой Херсонес. С. 153–161.

⁶² *Романчук А.И.* Очерки истории... С. 225–226. А.И. Завадская немного уточняет дату на 70-е годы VI в.: Завадская, 1997.

возможности перестроек в западной части базилики в последнее время нашло поддержку. Идею о двух строительных фазах базилики: первая – в V в., вторая – в конце VI в., высказал А. Пюльц⁶³.

Со времен В.В. Латышева Уваровскую базилику отождествляют с храмом, посвященным апостолу Петру, о котором говорят “Жития святых епископов Херсонских”. По мнению С.А. Беляева, никаких остатков предшествующих сооружений под баптистерием и рядом с ним не было; храмом апостола Петра, построенном в IV в., нужно признать именно существующую Уваровскую базилику, а не то сооружение, которое могло быть на ее месте⁶⁴. На мой взгляд, существование епископской церкви IV в. (хотя бы кафедрал Эферия, если не более ранних) на этом месте возможно, пусть даже она не будет достоверно идентифицирована в дошедших до нас материальных остатках. Известно, что исключительное значение придавалось древности храма и самому месту, где он расположен⁶⁵. Есть и другое мнение о локализации храма ап. Петра. С.Б. Сорочан считает, что им могла быть Восточная базилика (№ 36)⁶⁶. Дискуссия обещает быть долгой. Идентификация епископских церквей, которые выделялись только своими размерами или декором, но не каким-то особым планом – всюду трудная задача. Например, в Северной Африке из общего числа 300 раннехристианских базилик, известных археологам, достоверно определено всего четыре кафедрала, и это при 600 епископских центрах, упомянутых в письменных источниках⁶⁷.

КРЕСТОВИДНЫЕ ЦЕРКВИ

Показательна история изучения крестовидного кладбищенского храма в Херсонесе. Свыше полувека назад О.И. Домбровский в процессе реставрации обнаружил под мозаичной вымосткой церкви несколько осколков поливной керамики X или XII в. и датировал церковь и ее мозаику этим временем⁶⁸. Правда, стиль и иконография мозаики, которые хорошо вписываются в круг ранневизантийских памятников, не согласовывались с такой поздней датой, так же, как и архаичный план церкви типа “*croix libre*” с прямоугольным завершением всех четырех рукавов. Но находка керамики казалась более убедительной, и позднюю дату приняли другие исследователи: Ю.Г. Лосицкий⁶⁹, А.И. Роман-

⁶³ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 49.

⁶⁴ Беляев С.А. О храме апостола Петра... 2001. С. 25.

⁶⁵ «Церковь – это прежде всего история, и только оценив эту историю, можно сказать, что она “богаче” других благодатью и что “божественные знаки проявляются в ней чаще, чем в других местах”». Этот пассаж из Диатаксиса Михаила Атталиата приведен: *Dagron G. Constantinople: les sanctuaires et l'organisation de la vie religieuse // Actes du XIe CIAC, Lyon-Aoste, 12–28 sept. 1986. Rome, 1989. II. P. 1084.*

⁶⁶ Сорочан С.Б., Зубарь В.М., Марченко Л.В. Жизнь и гибель Херсонеса. Харьков, 2000. С. 578–579; Сорочан С.Б. Где находился херсонесский храм св. Петра? // Херсонес Таврический... С. 3–18.

⁶⁷ Duval N. L'évêque et la cathédrale en Afrique du Nord // Actes du XIe CIAC. Lyon-Aoste, 21–28 sept. 1986. Rome, 1989. I. P. 381.

⁶⁸ Подробный отчет был опубликован много лет спустя после раскопок: Домбровский О.И. Архитектурно-археологическое исследование загородного крестообразного храма Херсонеса // МАИЭТ. 1993. III. С. 289–318. На с. 318 читаем, что мозаика могла быть даже позже XII в.

⁶⁹ Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции крестообразных храмов Херсонеса // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. Киев, 1988. С. 27–36.

чук⁷⁰, Э. Ястжембска⁷¹. Один только А.Л. Якобсон считал, что поливная керамика могла попасть под мозаичную вымостку во время ее ремонта, и она не имеет отношения к строительству этого ранневизантийского храма⁷². Раннюю дату принял А. Пюльц⁷³. И вот в своей последней работе А.И. Романчук дает такую последовательность строительных периодов комплекса: первой появилась мемориальная постройка, в VI в. ее сменяет крестовидная церковь с мозаикой, и только в XII в. во время ремонта под мозаичным полом оказалась поливная керамика⁷⁴. Итак, церковь с мозаикой вновь датируется VI в., и это дает надежду уточнить хронологию других крестовидных церквей Херсонеса.

История кладбищенского комплекса, наверное, самая сложная. Первоначально крестовидная постройка существовала как мартирий, который в VI в. превратили в церковь обычного культа, перестроив восточную часть. В восточном рукаве креста раннего здания устроили синтрон и установили престол с киворием, от которого остались базы колонок. Прямоугольная форма синтрона – случай уникальный. Очевидно, что место было особо почитаемым, и строители хотели сохранить древний план. Кроме того, с юга пристроили пастофорий с апсидкой, в которой помещена крещальная купель. Того же времени, возможно, и прямоугольное помещение с севера.

В результате этих изменений исчезла самая примечательная черта мартирия – дверные проемы в торцах всех рукавов креста. Они существовали тогда, когда фокусом культа был геометрический центр сооружения, где находились чтимые останки. После перестройки проходы в северном и южном рукавах креста были не обязательны, а в восточном рукаве сохранить дверь было невозможно. Их заложили, что хорошо видно на старом плане К. Косцюшко-Валюжинича. Четыре двери – очень редкая в крестовидных постройках особенность, она ставит мартирий Херсонеса в круг самых архаичных памятников. Один из них хорошо изучен и, по счастью, точно датирован. Это мартирий в Каусье, пригороде Антиохии, сооруженный в 381 г. в память свв. Вавилы и Мелетия, захоронения которых располагались в центре здания⁷⁵. Еще одно сооружение с четырьмя проходами во всех рукавах креста – палестинская мемория, возведенная на месте колодца Иакова и известная по рисунку паломника VII в. Аркульфа⁷⁶.

Раскопки О.И. Домбровского показали, что и крестовидный мартирий не был самым ранним сооружением; под ним существовала еще какая-то постройка, от которой остались лишь вымостки двух уровней. Со второй, мраморной, вымосткой связаны монеты Феодосия I (379–395) и Аркадия (396–408). Мы видим сложную историю раннего этапа религиозной жизни местной общины. Херсонеситы были настойчивы в своем желании почитать находившиеся здесь реликвии: сначала первая постройка (однонефная?) с ее двумя строительными периодами, затем крестовидный мартирий и, наконец, крестовидная же церковь обычного культа с синтроном и крещальной. Самую первую постройку можно отнести к IV в.⁷⁷ В этом кладбищенском комплексе видим типичное развитие:

⁷⁰ Romančuk A.I. Zur Geschichte des Kultbaus im früh- und mittelbyzantinischen Cherson // АДСВ. 1998. 29. S. 283. Anm. 17.

⁷¹ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos... S. 517.

⁷² Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 200–204.

⁷³ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 73. Anm. 157.

⁷⁴ Романчук А.И. Очерки истории... С. 229.

⁷⁵ Lassus J. Sanctuaire chretiens de Syrie. P., 1947. P. 123–128. Fig. 51.

⁷⁶ Ibid. P. 126. Fig. 52.

⁷⁷ По мнению И.А. Завадской, в некрополе могло быть самое раннее культовое сооружение Херсонеса: Завадская И.А. Хронология памятников... С. 79. Я думаю, что оно в это время не было единственным, но раннюю церковь в городе найти трудней, чем на кладбище.

маленькую меморию превратили в крестовидный мавзолей, это культовое сооружение “первого поколения” (IV–V вв.) в VI в. сменяется обычной церковью, в которой евхаристическая функция сочеталась с мемориальной и крещальной.

На примере крестовидных храмов Херсонеса можно рассмотреть еще один метод хронологической классификации памятников – типологический. Он не очень надежен, поскольку однотипными могут оказаться церкви разных эпох, разных регионов и различных функций. Архитектор Ю.Г. Лосицкий выполнил интересные реконструкции первоначального облика крестовидных церквей Херсонеса и привел в качестве аналогий десять сооружений типа “свободного креста” в разных странах, от V до XI в. Исходя из этого, он предположительно определил дату херсонесских крестовидных церквей: “Не вдаваясь в подробности исследований и развернувшихся вокруг них дискуссий, отметим только, что все территориально близкие к Крыму аналогии, а именно: церкви в селах Бобошево и Сепарева Баня (Болгария), храм в Нине (Югославия), Сентинский храм (Карачаево-Черкессия) и другие относят именно к XI–XII вв. К этому же времени относится и крестообразный храм, открытый в 1981 г. в Крыму на южном склоне Мангупа”⁷⁸. Его вывод приняли некоторые исследователи⁷⁹.

Этот очень краткий перечень разнородных построек вряд ли может подтвердить позднюю дату крестовидных церквей Херсонеса. Сентинский храм – действительно средневековый, он датируется X–XI вв.⁸⁰ В Болгарии Н. Чанева-Дечевска перечисляет четыре крестовидных мавзолея, но все они относятся к V–VI вв.⁸¹ Но можно ли считать сербский храм в Нине с тремя апсидами типологической аналогией херсонесским церквам, а особенно загородному храму с его прямоугольной восточной ветвью? И подтверждает ли он позднюю дату? Две очень похожих крестовидных трехапсидных церкви из Пулы в Хорватии датируются VI–VII вв., временем византийского влияния в крае⁸². Число примеров крестовидных церквей можно значительно увеличить, и почти все они будут ранними, в рамках V–VII вв. В частности, они были популярны в Каппадокии⁸³ и на Кавказе, в том числе и церковь в Самцевриси, которую упоминает Ю.Г. Ло-

⁷⁸ Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции... С. 29.

⁷⁹ Романчук А.И. Очерки истории... С. 63.

⁸⁰ Последний, кто писал о нем, – И. Аржанцева, которая указывает некоторые кавказские аналогии крестовидных церквей, упоминает и загородный храм Херсонеса, отмечая, что этот тип был распространен в V–VIII вв.: *Arzhantseva I. The Christianization of North Caucasus (Religious Dualism among the Alans) // Die Christianisierung des Kaukasus. The Christianisation of Caucasus (Armenia, Georgia, Albania). Referate des Internationalen Symposiums (Wien, 9.–12. Dezember 1999) / Hrsg. W. Seibt. Wien, 2002 (Veröffentlichungen der Kommission für Byzantinistik, IX). P. 21–22.*

⁸¹ Чанева-Дечевска Н. Ранно-християнската архитектура в България IV–VI вв. София, 1999. С. 46–47, 200, 226, 240, 302–303. Фиг. 20, 27, 50, 57, 99.

⁸² Ujèià P. Pola paleocristiana alla luce del catasto austriaco dell'anno 1820 // Acta XIII Congressus internationalis archaeologiae christanae. III. Città del Vaticano-Split. 1998. P. 744–745. T. II (c, d), IV (b), V.

⁸³ Свои очень осторожные выводы об относительной хронологии крестовидных церквей Каппадокии М. Рестле строит в значительной степени на типологическом, пропорциональном и формальном анализе. Но в Каппадокии и Херсонесе положение очень различно: в Каппадокии имеется значительная и однородная серия церквей этой типологии; кроме того, там удалось отыскать даты-реперы для создания абсолютной хронологии, они и играют решающую роль; многие памятники сохранили свой объем и, наконец, в Каппадокии есть, пусть и скромный, фасадный декор, он тоже помогает датировать: *Restle M. Studien zur frühbyzantinischen Architektur Kappadokiens. Bd. 1. Text. Wien, 1979 (TIB. Bd. 3). S. 49–73, 168–170.*

сицкий⁸⁴. Конечно, кое-где церкви типа “свободный крест” продолжали строить и в средневизантийское время, например, на о-ве Наксос известна серия из 12 таких сооружений⁸⁵. В самом Херсонесе западный загородный храм, тоже в виде креста, был построен в VIII–IX вв.⁸⁶

Очевидно, что сами по себе типологические сопоставления не могут датировать, если иметь в виду один лишь формальный признак – контур крестообразного плана⁸⁷. Но если в понятие типологии включить такой важный и содержательный признак, как назначение памятника, тогда круг аналогий быстро сужается, и мы можем получить реальную картину. Например, если для кладбищенского южного храма указать крестовидные церкви с достоверно погребальными или поминальными функциями, мы определенно окажемся в раннехристианской эпохе. Если же подобрать точную аналогию для четырех прямоугольных рукавов креста, это будут упомянутый выше мартирий св. Вавилы 381 г. и мавзолей Галлы Плакидии в Равенне V в. Отмечу любопытную подробность: А.И. Романчук в описаниях крестовидных церквей везде говорит о “куполе на высоком барабане” (это черта средневековая), что соответствует расчетам Ю.Г. Лосицкого. Однако в той же книге она публикует иную реконструкцию храма на акрополе (№ 27), таким образом интуитивно выбирая более достоверный вариант. На чертеже, выполненном Л.Г. Колесниковой и Г.М. Манто, видим сооружение с куполом под четырехскатной крышей, на широком и низком граненом барабане, которое разительно похоже на мавзолей Галлы Плакидии. Для полного сходства со знаменитой равеннской постройкой к херсонесской церкви пририсованы даже аркады по фасадам, о наличии которых по имеющемуся плану нельзя судить⁸⁸. В таком виде храм № 27 – типичное раннехристианское сооружение.

Кладбищенский храм и две городских церкви – № 19 (с ковчегом) и № 27 (под поздним собором) – не только принадлежат к одному типу “свободного креста”, в однородную группу их объединяют и другие важные плановые и функциональные характеристики. Это пастофории – боковые помещения по

⁸⁴ Цит. по: *Беридзе В.В.* Грузинская архитектура “раннехристианского” времени (IV–VII вв.). Тбилиси, 1974. С. 16–18. Рис. 3. Ю.Г. Лосицкий приводит другой план храма в Самцевериси, у которого снаружи контур креста, в интерьере же это триконх, не похожий на херсонесские церкви.

⁸⁵ Δημητρούλαλη Γ. Βυζαντινὴ ναοδομία στὴν Νάξος. Αθήνα, 2000. Σ. 24–29. Εικ. 40–62. Некоторые детали плана отличают их от херсонесских, в частности апсидки-ниши в восточных стенах боковых рукавов креста.

⁸⁶ *Романчук А.И.* Западный загородный храм // ВВ. (1990). 1991. 51. С. 165–171.

⁸⁷ Я остановилась подробно на статье Ю.Г. Лосицкого, потому что это типичный случай. Известно, что археологи и архитекторы, работающие вместе, испытывают взаимное чувство преувеличенного доверия к чужим аргументам. Архитектор хорошо знает, как трудно рассчитывать пропорции объема, если перед ним руина, у которой утрачены перекрытия. Датировать что-либо этими расчетами невозможно. Поэтому он с надеждой смотрит на археолога, в руках которого так много разных интересных находок. Археолог же, прекрасно зная, что даже очень большое количество битой посуды не обязательно даст точную дату, с доверием смотрит на расчеты модулей. Однако, чтобы цифра модуля помогла датировать наш памятник, нужно иметь серию памятников-реперов, с точно таким же модулем и главное с точной датой. Но где взять точные даты? А вычислять модуль по чертежам, опубликованным в мелком масштабе и в схематичном виде, едва ли возможно, ведь обмерной документации по всем интересующим нас памятникам, в масштабе хотя бы 1 : 50, у нас нет. Не случайно Ю.Г. Лосицкий, создавая свои тщательно выполненные графические реконструкции, основывал позднюю дату крестовидных храмов вовсе не на анализе модульного построения, а всего лишь на немногих аналогиях.

⁸⁸ Цит. по: *Романчук А.И.* Очерки истории... С. 228–229. Рис. 25, 2.

сторонам восточного рукава креста, а также синтрон. Пастофории всех трех церквей очень похожи друг на друга, только размещены они по-разному. Во всех трех случаях они сообщаются как с алтарной зоной, так и с боковыми рукавами креста; во всех случаях они асимметричны, одно помещение снабжено апсидкой, другое прямоугольное. Асимметрия ясно указывает на различие функций – это было хорошо изучено в Сирии, где один пастофорий нередко служил мемориальной часовней, а другой объединял назначение жертвенника и диаконалика⁸⁹. В двух херсонесских церквях один из пастофорий служил крещальней. В кладбищенском храме она располагалась с юга, а в церкви с ковчегом – с севера, при этом в обоих случаях купели размещались в апсидках. Судя по наличию угловых пилястр, крещальни имели сводчатое куполообразное перекрытие⁹⁰. Размещение купели в апсиде – характерная черта, обыкновенно ее связывают с Сирией, но она встречается также в Причерноморье, Палестине, в Северной Африке⁹¹. О функциях помещений церкви под собором мы ничего не знаем. Церковь с ковчегом обладала и мемориальным назначением – в разных ее частях были обнаружены гробницы, их хорошо видно на плане Д.В. Айналлова.

Многоступенчатый синтрон в двух крестовидных церквях – черта не банальная. Церкви невелики: ширина восточного рукава креста в них едва ли превышает пять метров. Вспомним, что в даже в самых крупных церквях Херсонеса синтроны были скромными, одноступенчатыми. Участие в службе многочисленного клира можно объяснить особо торжественным характером богослужения по некоторым дням: во время крещения и мемориальных служб, например. Поэтому пастофории должны быть одновременны самим церквям. Обычные дилатационные швы между разными объемами указывают на последовательность выполнения элементов и их различную высоту: пониженные боковые помещения возводились после сооружения основного объема с куполом.

Серебряный ковчег, который найден под полом в алтаре церкви № 19, тоже вызывает споры. Он был создан в юстиниановское время и датирует церковь, как был убежден А.Л. Якобсон⁹². Другие археологи с этим не согласны. Здесь можно заметить следующее. Если многие археологи твердо верят в то, что одна монета, обнаруженная под стеной периферийной части большого сооружения, может датировать весь сложный ансамбль – это случай Уваровской базилики, почему не поверить в датирующую ценность реликвария, который был помещен под престол в момент строительства церкви и содержал мощи лица, во имя которого освятили престол? Ведь реликварий, хорошо датированный VI в., никак не противоречит характеристикам церкви, в том числе и декору плиты с типично раннехристианскими мотивами (“длинный” крест, кипарисы), которая ограждает северную апсиду. На плане О.И. Домбровского, который провел раскопки участка, видно, что храм построен на остатках театра (ступени амфитеатра в интерьере церкви можно видеть и сейчас)⁹³. Исторически это вполне реально. Аналогичный пример известен в античном театре Диррахия (Дуррес в Албании), где христианские строители остроумно приспособили под часовню

⁸⁹ *Lassus J. Sanctuaire chrétiens...* P. 126, 163, 179. По мнению Ю.Г. Лосицкого, асимметрия боковых помещений крестовидных церквей Херсонеса указывает на “неграмотность мастеров” (*Лосицкий Ю.Г. Опыт реконструкции...* С. 30). Я так не думаю.

⁹⁰ *Ristow S. Frühchristliche Baptisterien. Münster, 1998 (Jahrbuch für Antike und Christentum. Ergänzungsband, 27).* S. 266.

⁹¹ *Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники...* С. 142.

⁹² *Романчук Л.И. Очерки истории...* С. 62.

⁹³ Цит. по: *Ibid.* С. 74. Рис. 31.

проход к арене. В обоих случаях видим демонстративное намерение утвердить христианскую постройку на остатках языческого театра.

Итак, крестовидные церкви Херсонеса все еще не имеют точно установленной хронологии, но принадлежность хотя бы некоторых из них к раннехристианской эпохе находит все большее подтверждение и признание.

ПРОБЛЕМА СВЯЗИ АРХИТЕКТУРЫ И ЛИТУРГИИ

На заре изучения церковей Херсонеса А.Л. Бертье-Делагард заметил: “Этот вопрос церковного устройства и обрядности заслуживает разработки, для которой, может быть, еще не настало время, по незначительности древне-христианских открытий на Востоке. Меж ними Херсонес будет иметь большое значение”⁹⁴. Не прошло и столетия, как это время настало. Археологи часто отмечают, что изучение церковного здания в связи с его функциями позволит лучше представить религиозную жизнь христианских общин, понять “самый смысл зданий”; литургические устройства “подтверждают, уточняют, дополняют” свидетельства текстов, но иногда и противоречат им⁹⁵. Эта последняя ремарка Ж. Лассюса многозначительна. Изучение литургических функций и устройств – особая сфера. Свидетельства текстов и археологические данные – две разных реальности, два различных языка, и перевод с одного языка на другой кажется легким только на первый взгляд. Очень часто сведения, почерпнутые из текстов, трудно увидеть в археологических остатках, и обратно – памятники не обязательно подтверждают фрагментарные, не всегда ясные и, как правило, очень общие свидетельства письменных источников. Среди исследователей церковей Крыма С.А. Беляев был едва ли не единственным, кто давно призывал изучать их литургическое назначение. В последнее время, благодаря новому развитию дисциплины, которая в России традиционно именуется “церковной археологией” (в отличие от западноевропейской “христианской археологии”), появляется все больше публикаций в этом круге проблем⁹⁶.

Общие сведения о литургических устройствах церковей Херсонеса можно найти в статье А. Пюльца, который излагает вопрос кратко, четко и осторожно (с оговорками наподобие “не точно, но возможно”), используя обычные приемы и аргументы западноевропейской христианской археологии⁹⁷. По его мнению, в Херсонесе можно проследить элементы константинопольской литургии, что выразилось в акцентировании процессионных осей. Речь идет в частности об Уваровской базилике – единственной, где известна солея, и о базилике на акрополе (№ 28), где известно положение амвона, располагавшегося точно по продольной оси. Он предполагает, что в комплексе Уваровской базилики остатки епископского дворца располагались к югу от атриума, а мемориальная церковь с апсидой в виде триконха играла роль и в обряде крещения. Таким образом, торжественный обряд инициации в Херсонесе можно сопоставить с церковью Св. Гроба в Иерусалиме, где крещальня тоже расположена с южной сторо-

⁹⁴ *Бертье-Делагард А.Л.* О Херсонесе // ИАК. 1907. 21. С. 71. Примеч. 1.

⁹⁵ *Lassus J.* Sanctuaire chrétiens... 1947. P. XI.

⁹⁶ Например, по мнению Н.Е. Гайдукова, изучение Уваровской базилики с точки зрения литургии поможет уточнить ее дату: *Гайдуков Н.Е.* Уваровская базилика: Еще раз к вопросу датировки // Херсонес Таврический... С. 7–11.

⁹⁷ *Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen... S. 75–76.

ны, вблизи жилища епископа. Говоря об обряде крещения в Западной базилике (№ 13) и в загородном крестовидном храме (предположительно), А. Пюльц употребляет своеобразный термин “мемориальный баптистерий”, проводя аналогию между захоронениями “ad sanctos” и крещением “ad sanctos” Действительно, крещальни и места отправления мемориального культа часто сближались, это характерная черта раннехристианской религиозной жизни⁹⁸. Хорошо известно и архитектурное сходство мартириев и баптистериев, обусловленное глубокой символической связью крещения и Воскресения. Соседство крещальни и мемориального сооружения в Херсонесе, как и в других местах, связывается с паломничествами и с дидактическими намерениями – катехумены и новоокрещенные обычно посещали места чтимых захоронений.

Баптистерии – тема, хорошо известная в христианской археологии, сейчас их известно свыше тысячи. И.А. Завадская относит к числу крещален Херсонеса четыре памятника: отдельно стоящее сооружение у Уваровской базилики, дополнительные помещения в комплексах Западной базилики, “базилики в базилике” и базилики 1935 г.⁹⁹ Интересно было бы более подробно проследить связь баптистериев с местами мемориального и мартиреального культа – этой темы А. Пюльц коснулся только слегка¹⁰⁰. Боюсь, что здесь мы столкнемся с неполнотой чертежной документации, в частности, никогда не были опубликованы разрезы помещения с криптой, примыкающего с юга к Уваровской базилике, и отдельно стоящей часовни с криптой в комплексе Западной базилики. Речь идет о самых важных культовых центрах города. О деталях обряда крещения мы могли бы судить лучше, если были бы опубликованы разрезы купелей, а на планах показано точное расположение дверных проемов.

По моему мнению, к числу крещален в Херсонесе можно было бы прибавить боковые помещения в крестовидных церквах: загородной, “с ковчегом” (№ 19), где в обоих случаях есть купели, а также – по аналогии – помещение к югу от апсиды храма под поздним собором (№ 27). Мнение А. Бертье-Делагарда о том, что эти помещения служили диакониками с устройствами для мытья рук и литургических сосудов (хонефтерионы), устарело. Оно возникло в ту эпоху, когда исследователи искали в памятниках вещественные иллюстрации к текстам и верили, что крещение проводилось в глубоких бассейнах, где можно соблюсти предписание тройного погружения в проточную воду. Однако с тех пор открыто так много крещален с неглубокими купелями (0,35–0,4 м), что их уже перестали определять как устройства для мытья сосудов. Не превратились ли эти хонефтерионы в археологический фантом? Например, в храме “с ковчегом”, скорее всего, резервуар глубиной около 0,8 м, расположенный в уровне пола, для мытья посуды вряд ли пригоден.

Мемориальный культ и его роль в религиозной жизни Херсонеса, его отражение в структуре комплексов, влияние на плановые решения сооружений, расположение, формы и типы погребальных конструкций – здесь еще много неяс-

⁹⁸ Хрушкова Л.Г. Раннехристианские памятники... С. 146, 314, 347–348.

⁹⁹ Завадская А.И. Баптистерии ранневизантийского Херсона // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе... С. 32–38; Она же. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. 2002. IX. С. 252–271.

¹⁰⁰ Продолжаются дискуссии о хронологии: по мнению Е.Ю. Клевиной, мавзолей был построен во второй половине IV – первой половины V в., т.е. раньше, чем помещение с купелью, а не позже, как обычно считается: Цит. по: Клевиной Е.Ю. Хронология христианских памятников на участке Западной базилики // Культурные памятники в мировой культуре... С. 22–23.

ных вопросов. Захоронения в церквах, это “привилегированные захоронения” или “захоронения привилегированных лиц”? Этот огромный материал еще далек от обобщения, составляя контраст с изучением баптистериев¹⁰¹.

В последнее время исследователи проявляют интерес к проблеме организации литургического пространства церквей Херсонеса. Алтарная преграда по большей части выдвинута в центральный неф и имеет П-образную форму, ее основание во многих церквах можно наблюдать. Сохранились остатки алтарных плит из мрамора, в частности один хорошо сохранившийся экземпляр – в экспозиции музея. Остатки синтрона прослеживаются кое-где в базиликах и в двух крестовидных церквах. Остатки солей бесспорно зафиксированы только в Увровской базилике. Амвон располагался на продольной оси центрального нефа базилик¹⁰² (во всех ли случаях?), он принадлежал к так называемому константинопольскому типу с двумя лестницами, по которым поднимались на повышенную площадку¹⁰³. Совместная работа Херсонесского музея-заповедника и археологов Познанского университета (А.Б. Бернацки) по созданию полной обмерной документации всех мраморных архитектурных деталей, найденных в Херсонесе, существенно продвинет исследование и литургических устройств, и архитектурной пластики¹⁰⁴. Любопытно, что из более чем 800 фрагментов проконнесского мрамора в Херсонесе к амвонам можно отнести только 26¹⁰⁵. Интересны новые наблюдения над формами литургических столов (*mensae*) и их функциями в Херсонесе¹⁰⁶. В изучении литургических устройств в Херсонесе, как и всюду, существует проблема точности употребления терминов. Единообразие не было у древних авторов (вспомним хотя бы многозначность таких понятий, как “бема” или “экседра”), нет его и у современных археологов¹⁰⁷. Ти-

¹⁰¹ L'inhumation privilégiée du IVe au VIIIe siècle en Occident: Actes du Colloque tenu à Creteil les 16–18 mars 1994 / Ed. Y. Duval, J.-Ch. Picard. P., 1986. О “привилегированных могилах” на Востоке: *Sodini J.-P.* Les “tombe privilégiées” dans l'Orient Chrétien (à l'exception du diocèse d'Égypte) // *L'inhumation privilégiée...* P. 233–239.

¹⁰² *Pülz A.* Die frühchristlichen Kirchen... S. 63 (Anm. 104), 66 (Anm. 121), 67 (Anm. 122–123), 69.

¹⁰³ Почти целые амвоны такого типа открыты при раскопках базилики А в районе Бейязит в Стамбуле (сейчас – в лапидарии ок. Св. Софии) и в коллекции мраморов с корабля, затонувшего близ Сиракуз: *Mathews T.F.* The Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park; London, 1971. P. 70. Pl. 56, 57. *Kapitän G.* Elementi architettonici per una basilica dal relitto navale del VI secolo de Marmazeni (Siracusa) // XXVII Corsi di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 1980. P. 71–136. Fig. 18.

¹⁰⁴ По сообщению д-ра Анджея Бернацкого, Познанский университет в сотрудничестве с Херсонесским музеем-заповедником подготовил трехтомное издание, посвященное мраморам и базиликам Херсонеса.

¹⁰⁵ *Бернацки А.Б.* Амвоны в интерьере раннехристианских базилик Западного и Северного Причерноморья // Церковная археология Южной Руси... С. 69–82.

¹⁰⁶ *Он же.* Вета в раннехристианских базиликах Херсонеса Таврического и Новы (Болгарии) // Культурные памятники в мировой культуре... С. 8–9.

¹⁰⁷ Не случайно в последнее время все больше распространяется манера снабжать монографии глоссарием: *Naissance des arts chrétiens. Atlas des monuments paléochrétiens de la France* / Ed. N. Duval, J. Fontaine ed al. P., 1991 (Atlas archéologique de la France). P. 387–404, Glossaire; *Хрушкова Л.Г.* Раннехристианские памятники. С. 432–438. В археологии Крыма принято называть солей алтарное возвышение (т. е. используется современное понятие) – то, что в раннехристианское время на Востоке называли бемой (возвышение, эстрада). Солея – это огражденный парапетом проход между алтарной преградой и амвоном, благодаря чему последний включается в целостное алтарное пространство. Миную специальные лексиконы, сошлюсь на широко известную книгу, где даны археологически-ясные описания солей и бемь: *Krautheimer R.* Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1975. P. 90, 107, там же Glossary.

пичный случай – свободное употребление слов “жертвенник” и “диаконник”, независимо от реальных функций соответствующих помещений – от этого не раз предостерегали разные авторы¹⁰⁸.

МРАМОР

Крым обладает большой и ценной коллекцией архитектурных деталей из проконнесского мрамора, особенно капителей, которые сосредоточены в основном в Херсонесе. По количеству и разнообразию капителей этот город можно сравнить с блистательной Равенной. Мраморам Херсонеса посвятил свою первую научную работу А.Л. Якобсон, тогда студент-”выдвиженец”, как говорили в 20-х годах XX в. Много лет спустя исследование о мраморах составило раздел его монографии “Раннесредневековый Херсонес”¹⁰⁹. А. Бортоли-Казански опубликовала статью о географии распространения мраморов в Крыму¹¹⁰. К. Барзанти включила крымские находки в широкую панораму экспорта проконнесской продукции в понтийские регионы¹¹¹.

Последние годы – время нового интереса к продукции проконнесских мастерских, к проблемам хронологической и типологической классификации капителей¹¹²; появились важные каталоги капителей Константинополя¹¹³ и большой коллекции мраморов из Ефрасианской базилики эпохи Юстиниана в Порече (Паренцо) в Хорватии¹¹⁴. Я хочу кратко сказать о двух хронологически различных группах мраморов Херсонеса. Хотя элементы декора могли перемещаться неоднократно, все-таки вопрос не безнадежен, более тщательное изучение мраморов помогло бы уточнить время строительства ранних херсонесских церквей¹¹⁵. Мраморная декорация применялась в крупных базиликах, а не в маленьких мемориях. Торговля проконнесским мрамором не была делом “свободного рынка”, почти всегда это заказ – епископа, правителя, императора¹¹⁶. Иными словами, купец вез мрамор для конкретной постройки.

¹⁰⁸ *Lassus J.* Sanctuaire chrétiens... 1947. P. 162–163. *Mathews T.F.* The Early Churches... P. 179. А. Пюльц считает “невероятным” определение в качестве диаконика южного помещения в Западной базилике, так же, как и южной боковой комнаты в Северной базилике: *Pöltz A.* Die frühchristlichen Kirchen... S. 51 (Anm. 38), 58 (Anm. 76). Боковые помещения (пастофории) рядом с алтарем в крестовидных церквях называет то диакоником, то капеллой, то приделом. Придел наименее вероятен, потому что придельная церковь обладает всей полнотой литургических функций, имея самостоятельно освященный престол: “Я их хранил в приделе Иоанна” (Ал. Блок).

¹⁰⁹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 131–152.

¹¹⁰ *Bortoli-Kazanski A.* La repartition du marbre de Proconèse en Crimée à l'époque paléochrétienne // *Geographica Byzantina*. P., 1981 (Byzantina Sorbonensia, 3). P. 55–65.

¹¹¹ *Barsanti C.* L'esportazione di marmi dal Proconesso nelle regione pontiche durante il IV–VI secolo // *Rivista dell'Istituto nazionale d'Archeologia e Storia dell'Arte*. Serie III, 1989. XII. P. 91–220.

¹¹² *Kramer J.* Bemerkungen zu den Methoden der Klassifizierung und Datierung frühchristlicher oströmischer Kapitelle // *Spätantike und byzantinische Bauskulptur: Beiträge eines Symposiums in Mainz*, Febr. 1994 / Hrsg. U. Peschlow, S. Möller. Stuttgart, 1998. S. 43–58.

¹¹³ *Zollt T.* Kapitellplastik Konstantinopels vom 4. bis 6. Jahrhundert n. Chr. Bonn, 1994.

¹¹⁴ *Russo Eug.* Sculture del complesso euphrasiano di Parenzo. Napoli, 1991.

¹¹⁵ *Беляев С.А.* Базилики Херсонеса (итоги, проблемы и задачи их изучения) // ВВ. 1989. Т. 50. С. 171–181.

¹¹⁶ *Sodini J.-P.* Le commerce des marbres à l'époque protobyzantine // *Hommes et richesses dans l'empire byzantin*. I. P., 1989 (Réalités byzantines). P. 163–186.

Мраморы Херсонеса явно подразделяются на две группы: V в. и VI в. Самые ранние экземпляры капителей относятся к типу ионических капителей-импостов. Одна из них, хранящаяся в Эрмитаже, сохраняет античные формы пластического ионического элемента, ее импост с шестиконечной хризмой в центре украшен мягкими листьями аканфа; этот тип датируется первой половиной V в.¹¹⁷ Другой экземпляр того же типа из Исторического музея в Москве украшен тонко зубчатым аканфом (“феодосиевым”, по старой терминологии Й. Стриговского – Р. Кауча) и ажурными растительными мотивами; эта капитель изготовлена около середины V в.¹¹⁸ Эти ранние капители Херсонеса – случайно или нет – найдены при раскопках Уваровской базилики.

Немного более поздний тип представлен изящной композитной капителью из Херсонесского музея с тонким и острым зубчатым аканфом, которым украшены даже волюты. Появившись во второй половине V в., этот тип аканфа сохранялся даже до юстиниановской эпохи¹¹⁹, но херсонесский экземпляр по легкости и ажурности листьев относится скорее к началу серии. Другую капитель из Херсонесского музея, тоже с тонким аканфом, но уже с геометризованными листьями, можно датировать началом VI в.¹²⁰ Тип “двузонных” капителей, у которых круглая нижняя часть покрыта листьями того же “феодосиева” аканфа, а в верхней части украшена протомами животных или птиц, датируется временем между второй половиной V в. и первой половиной VI в.¹²¹ Одна такая капитель хранится в экспозиции Херсонесского музея, другая – в Эрмитаже¹²². Стиль мелкого зубчатого аканфа позволяет датировать ее второй половиной V в.¹²³

Импост-капители с довольно крупными листьями аканфа и крестом в центре (одна из раскопок базилики 1935 г., другая – из Уваровской базилики), производились между серединой V и первой половиной VI в.¹²⁴ Более вероятно первая половина VI в., поскольку импост с подобным декором, но соединенный с обычной коринфской капителью, находится на колонне базилики на акрополе (рядом с поздним собором). Капитель из базилики 1935 г. с листьями аканфа, желобчатым мотивом на импосте и сильно упрощенным ионическим элементом датируется зрелым V в. или первой половиной VI в.¹²⁵ Самый стандартный и широко распространенный тип – коринфская капитель с двумя рядами плоских и схематичных листьев аканфа, которые, встречаясь, создают абстрактные геометрические фигуры. Если отвлечься от деталей, образующих подтипы (в частности, “лирная” капитель, по классификации Р. Кауча, каких немало в Херсонесе), эти капители

¹¹⁷ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 142. Рис. 51. *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 162–164. Fig. 96. Возможно, из Херсонеса происходит похожая капитель, которая находится во вторичном употреблении в церкви Св. Софии в Киеве.

¹¹⁸ *Искусство Византии в собраниях СССР. 1. Каталог выставки. Раннехристианское искусство II–IV веков / Под ред. А.В. Банк, О.С. Попова. М., 1977. № 121. С. 91; Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 157. Fig. 83.

¹¹⁹ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 136. Рис. 47(1); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 147–148. Fig. 70.

¹²⁰ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. Рис. 47(2); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 147–148. Fig. 70.

¹²¹ *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 153.

¹²² *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 135. Рис. 46(2); *Искусство Византии... 1. № 116а. С. 89. Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 151. Fig. 76.

¹²³ *Византийский Херсон. Каталог выставки / Под ред. И.С. Чичуров. М., 1991. № 2. С. 18.*

¹²⁴ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 138. Рис. (2–4). С. 144. Рис. 52; *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 159–160. Fig. 88.

¹²⁵ *Якобсон А.Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 140, рис. 49(5); *Barsanti C.* L'esportazione di marmi... P. 163–165. Fig. 99.

отражают процесс упрощения и деградации классической коринфской капители. Они являются массовой продукцией конца V – первой половины VI в. В Херсонесе их больше всего; к тому же типу принадлежит и капитель из Тиритаки, еще одна находится в церкви св. Иоанна Предтечи в Керчи¹²⁶.

Таким образом, в первой половине V в. строительство церквей в Херсонесе имело место – об этом говорят композитные капители с мелкозубчатым аканфом. Поиски или идентификация сооружений, для которых привезли эти капители, – пока открытые вопросы. Большее число херсонесских капителей относится к концу V или скорее к первой половине VI в. Строительство церквей в Херсонесе было более интенсивным в юстиниановскую эпоху, тогда же и деятельность проконнесских мастерских достигла наивысшего расцвета.

Фрагменты амвонов отражают ту же хронологическую закономерность, что и капители. Например, плита парапета, высеченная из одного куска с профилированным столбиком, украшена характерным мотивом так называемого “длинного креста” с расширяющимися концами (“*stœix longue*”, он же “византийский”), который утверждён на сфере¹²⁷. Этот фрагмент происходит из “базилики в базилике” (№ 15), которая датирована по монетам Юстиниана I¹²⁸. Плита амвона вполне соответствует стандартной продукции юстиниановской эпохи, в особенности тип креста на сфере¹²⁹. Другой фрагмент амвона (предположительно из базилики № 28) был частью приподнятой на колонках балюстрады¹³⁰. В центре его помещена шестиконечная хризма с удлиненной нижней ветвью, обрамлением служат множественные мулюры. К. Барзанти нашла очень близкую, если не идентичную, аналогию для балюстрады из Херсонеса – амвон из кипрской базилики 1 в Пейя, которую относят к IV или V в.¹³¹

Итак, эти части двух амвонов, как и капители, принадлежат двум хронологическим группам: одна юстиниановского времени, другая – V в. Подготовленная публикация каталога всех мраморных деталей поставит изучение этой группы памятников на прочную документальную базу.

ЦЕРКВИ ХЕРСОНЕСА В КОНТЕКСТЕ РАННЕХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ

По мнению А.Л. Якобсона, архитектура Херсонеса была связана и с малоазиатской традицией в целом, и с константинопольской школой. В обширной и многоликой Малой Азии имелись в виду прежде всего прибрежные районы¹³².

¹²⁶ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 136–138. Рис. 49 (2, 3); Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 126–135. Fig. 40, 44.

¹²⁷ Якобсон А.И. Раннесредневековый Херсонес. С. 136. Рис. 48–49; Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 128, 192. Fig. 40; Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... S. 67. Anm. 123.

¹²⁸ Романчук А.И. Очерки истории... С. 224.

¹²⁹ Близкий пример в понтийском регионе: плиты из церкви в с. Хоби, в Мегрелии, во вторичном использовании: Хрушкова Л.Г. Скульптура раннесредневековой Абхазии. V–X века. Тбилиси, 1980. С. 15. Табл. VIII, 4. Того же типа амвон из цандрипшской базилики: Она же. Раннехристианские памятники... С. 165–167.

¹³⁰ Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 149–150. Рис. 55–56.

¹³¹ Barsanti C. L'esportazione di marmi... P. 192. Fig. 146.

¹³² Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес. С. 183–188, 211; Он же. Закономерности... С. 163–168; Jakobson A. Grim. S. 375–439. К выводу А.Л. Якобсона о роли Константинополя присоединился Ф.В. Дайхманн: Deichmann F.W. Einführung in die Christliche Archäologie. Darmstadt, 1983. S. 270.

После долгого перерыва к этой теме вновь обратилась И.А. Завадская. Сопоставляя разные признаки (план церквей, их строительную технику, декор, литургические устройства и другие, более частные, черты) и привлекая большое число аналогий, она приходит к следующим выводам: памятники Херсонеса принадлежат “к ранневизантийской христианской архитектуре”; “главным ориентиром в выборе архитектурных форм была прежде всего столичная архитектура”; “помимо столичных черт херсонесская архитектура впитала в себя также элементы других школ”¹³³. Первый вывод бесспорен, третий подтверждается некоторыми аналогиями. Что же касается Константинополя, вопрос не кажется простым. О сильном влиянии византийской столицы писал и А. Пюльц, отмечая в то же время в церквях Херсонеса черты, свойственные Греции и эгейскому ареалу: пропорции планов, трибелон, так называемая эллинистическая форма нартекса, архитектурная пластика из Проконнеса, элементы литургии, предположительно хоры над боковыми нефами (церкви № 14 и № 15). Как и А.И. Завадская, он тоже отметил сирийское влияние (размещение крещальной купели в апсиде)¹³⁴.

Все эти наблюдения обоснованы, и все-таки возникают вопросы. Реальная картина была, видимо, сложнее. Если речь идет о базовых элементах плана херсонесских базилик, которые большинство исследователей относит к VI в., действительно в византийской столице можно отыскать некоторые аналогии этого времени. Наряду с блестящими творениями купольной архитектуры при Юстиниане строились и “малые сооружения”, в том числе базилики. Правда, от них мало что осталось, среди них – руины “базилики А” в районе Бейязит, которая в основных элементах плана и устройства алтарной части близка к базиликам V в.: у нее развита западная часть (атриум, нартекс) и одна апсида на восточном конце¹³⁵. Таким образом, в стандартных элементах плана общее сходство Херсонеса с Константинополем действительно можно отметить (впрочем, не только с ним). Но если говорить о более конкретных чертах, можно увидеть столько же и несходства. Например, в византийской столице предпочитали трехгранную апсиду, а в Херсонесе господствовала пятигранная, очень распространенная в Каппадокии¹³⁶. Что касается организации литургии, в двух хорошо известных константинопольских базиликах V в., Иоанна Студия и Халкопратийской, под алтарем находится глубокая крипта, так же, как и в купольной базилике св. Полиевкта первой четверти VI в. В Херсонесе под престолом могло быть крестовидное углубление для мощей (“confessio” – подобные примеры есть на Балканах), как в Западной базилике. Мемории с криптами располагались рядом, или примыкая к церкви (Уваровская базилика), или находясь вблизи (Западная базилика). В константинопольских церквях, и купольных, и базиликах, устройство алтарной части было достаточно единообразным: массивный многоступенчатый синтрон с тронem в середине верхней ступени, П-образная алтарная преграда, амвон и соединяющая их солея¹³⁷. П-образная конфигурация бемы в Херсонесе тоже была обычной (как и во многих церквях Греции), но солея здесь отмечена только в Уваровской базилике; многоступенчатые син-

¹³³ Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. 2001. VIII. С. 261–289.

¹³⁴ Pülz A. Die frühchristlichen Kirchen... 1998. S. 74–75.

¹³⁵ Mathews M.F. The Early Churches... P. 73.

¹³⁶ Правда, есть предположение о наличии пятигранной апсиды в очень плохо сохранившейся Сарай-базилеке V в.: Ibid. P. 34–37.

¹³⁷ Реконструкция алтарного пространства, выполненная на основании раскопок церкви св. Евфимии: Ibid. Fig. 32.

троны неожиданно находим не в крупных культовых центрах города, а в маленьких крестовидных церквах, и одна из них – кладбищенская. Константинопольский тип квадратного купольного сооружения с вписанным октогоном (Св. София и, возможно, Халкопратийская) в Херсонесе неизвестен.

Нет особого сходства у Херсонеса со столицей и в строительной технике. В Константинополе в крупных церквах VI в. абсолютно преобладает кирпич. А для V в. можно привести любопытный пример: две очень похожих по планировке и близких по дате базилики выстроены по-разному: Халкопратийская – из чистого кирпича, а Студийская – в смешанной кирпично-каменной технике, как и феодосиевы стены¹³⁸. В Херсонесе мы не знаем ни одного примера кирпичной архитектуры.

Вывоз проконнеского мрамора обеспечил сходство пластической декорации и некоторых видов портативных литургических устройств Херсонеса с Константинополем (как и со многими другими местами). Однако стиль напольных мозаик, выполнявшихся на месте, в Херсонесе и в византийской столице не сопоставим. Итак, сравнивая Херсонес и Константинополь, мы видим, что сходство в основном касается общих черт плана и импортной декорации, но оно хорошо соседствует с несходством. На мой взгляд, облик церквей Херсонеса во многом определялся местными обстоятельствами. География и топография, особенности античной городской застройки и ее трансформация, почитание местных святых и внутренняя жизнь приходов, наличие и качество строительных материалов, вкусы епископов и деньги ктиторов, церковная политика и просто политика, рыбный промысел и коммуникации – все это и еще многое другое играло свою роль. Поэтому вряд ли в Малой Азии или еще где-либо отыщется город, с которым у Херсонеса было бы близкое сходство. И в этой сфере мы тоже видим Крым “двойственный”, двуликий, неуловимый¹³⁹.

ТОПОГРАФИЯ

Изучение топографии христианского города в последние десятилетия переживает настоящий расцвет. Главный центр внимания исследователей – глубокие трансформации, которые привели к превращению города позднеантичного в город христианский и средневековый: включение церковных зданий в городскую ткань, отказ от веками соблюдавшегося запрета хоронить в городах, организация жизни квартала вокруг приходской церкви, основание монастырей существенно изменили характер города. Этот пристальный интерес к топографии, увязанный со стремлением археологов к решению больших исторических проблем, иногда называют даже “революцией”¹⁴⁰.

Исследователи Херсонеса участвует в этом общем движении. Топографию средневекового города изучала А.И. Романчук¹⁴¹; ей же принадлежит

¹³⁸ О строительной технике: *Mango C. Byzantinische Architektur. Mailand, 1974. S. 11 sq.*

¹³⁹ *Dagron G. Двуликий Крым (IV–X вв.) // МАИЭТ. 2000. VII. С. 289–293, 295–301.*

¹⁴⁰ *Pergola Ph. Topografia cristiana e rinnovamento urbano in età tardoantica ed altomedievale: una rivoluzione degli ultimi trent'anni // XLII Corso di cultura sull'arte ravennate e bizantina. Ravenna, 14–19 maggio 1995. Ravenna, 1995. P. 747–760.*

¹⁴¹ *Романчук А.И. Херсонес XII–XIV вв.: историческая топография. Красноярск, 1986; Она же. Очерки истории... С. 65–73.*

этиод, посвященный поискам на местности следов событий, которые описаны в “Слове о перенесении мощей святого Климента”¹⁴². Главным является вопрос о начале христианского Херсонеса, и топография вновь возвращает нас к ключевой проблеме хронологии первых культовых построек. Одновременное появление двух статей на одну тему – на этот раз в Москве и в Риме – еще раз указывает на актуальность проблемы. Их авторы, С.А. Беляев¹⁴³ и Э. Ястжебовска¹⁴⁴, рассматривают топографию Херсонеса с разных позиций. С.А. Беляев отмечает два аспекта топографии – общий, который стремится раскрыть специфику, сам дух христианского города, и другой – частный, который ставит целью “привязку к конкретной местности определенных зданий или событий, известных по письменным источникам”. Он стремится выяснить, какие сооружения Херсонеса можно связать с IV в., полагая, что в городе в это время должен был быть и кафедрал, и небольшие мемориальные постройки. По его мнению, к IV в. относится Уваровская базилика и две мемории: четырехапсидный храм, связанный с культом св. Капитона, и пещерный храм, посвященный св. Василевсу (Василию). Замечу, что построениям С.А. Беляева недостает археологической доказательности, датировки остаются предположительными и спорными. В то же время в них, кажется, есть дух исторической достоверности. Вообще подтверждение археологическими фактами сообщений житийных текстов – очень старая и трудная проблема христианской археологии.

Э. Ястжебовска сопоставляет топографию двух городов – Херсонеса и Эфеса. Речь идет об общих принципах оборонительной системы двух городов, расположении главных городских осей, размещении некоторых церковных зданий. Здесь еще раз перечислены все ранние базилики Херсонеса, с их примерной датировкой, обсуждаются разные доводы в пользу того или иного времени их строительства, основанные на стратиграфии, строительной технике, декоре, отмечается важное значение мрамора¹⁴⁵. В целом исследовательница приходит к выводу о различных исторических ролях этих двух городов: Херсонес был центром миссионерства для Северо-Восточной Европы, а Эфес – важным центром паломничества.

В этих двух очень разных работах можно усмотреть две различных концепции топографии. Для первой характерно понимание топографии христианского города как “сакральной” – термин, который в последнее время в отечественной литературе очень популярен. С.А. Беляев, как кажется, придерживается именно такого понимания¹⁴⁶. Рационалистическая позиция Э. Ястжебской, напротив, не склонна подчеркивать особый, сакральный, характер топографии. Этот подход хорошо представлен в работах о Константинополе

¹⁴² Она же. Западный загородный храм. С. 165–171.

¹⁴³ Беляев С.А. Христианская топография Херсонеса...

¹⁴⁴ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos... Упомяну также неопубликованную работу М.Р. Волосяка о топографии ранневизантийского Херсонеса, о которой мне сообщила проф. Э. Ястжебовска: *Wolosiak M.R. Topografia chrześcijańskiego Chersonesu Taurydzkiego w okresie wczesnobizantyjskim (IV–VII wiek)*. Warszawa, 1998.

¹⁴⁵ Jastrzebowska E. Ephesos und Chersonesos... P. 507, 515.

¹⁴⁶ “Христианство... изменило всю жизнь. Применительно к Херсонесу, равно как и к любому другому городу той эпохи, это означает, что иными с появлением христианства стали и градостроительная структура города, и сама общественная архитектура, и городская планировка, и социальная стратификация населения, и правовые институты и многое, многое другое, и в жизни города в целом, и в жизни его населения”: Беляев С.А. Христианская топография Херсонеса... С. 4.

Жильбера Дагрона: “Нельзя выразиться лучше, что только случай руководит распределением святых мест в городе и его окрестностях, но случай – в это стремятся верить, – который отвечает необходимости или предопределению”; “В Константинополе, как и во всякой городской среде, только история и время христианские, топография же – лишь их проекция”¹⁴⁷. Да и самой христианизации в преобразовании античного города не приписывается определяющего значения: “Не то, чтобы христианство было причиной перехода от античного урбанизма к урбанизму средневековому... Но оно окрашивает эту трансформацию и позволяет нам таким образом проследить ее повороты и контуры”¹⁴⁸.

¹⁴⁷ *Dagron G. Constantinople... P. 1072, 1085.*

¹⁴⁸ *Dagron G. Le christianisme dans la ville byzantine // DOP. 1977. Vol. 31. P. 3.*